

Школа литературного бизнеса

В одном из прошлых номеров американского журнала «Райтер» («Писатель») помещено объявление, рекламирующее книгу некоего Эрика Хита «Упрощенная техника построения сюжета». Вот его текст:

«Авторы коротких рассказов, романов, драматических произведений, радиопьес и киноповестей найдут в этой книге чрезвычайно легко осуществимую схему оригинальных сюжетов...»

В том же номере журнала опубликована не менее широкорекластная реклама книги «Как писать короткие рассказы ради прибыли». Редактор «Райтера» А. С. Барзек из номера в номер рекламирует выпущенную им «Настольную книгу писателя», на обложке которой красочная надпись: «Что я должен писать, как я должен писать, где я могу продать написанное?»

Этой «незаменимой книгой» открывается список пятидесяти томной серии «Книжная полка писателя», которую предлагается приобрести начинающему литератору или оптом, или, если он не располагает достаточными средствами, в розницу.

Следует только указать номер интересующей вас книги, и вы получите: «Семь принципов поэзии», «Секреты вымысла», «Сто один обычный и необычный сюжет» и т. д. и т. п.

Книжный рынок США поистине ломится от всевозможного рода обширных и кратких, дорогих и дешевых изданий, «раскрасочных» методов писателя «гарантированные способы» литературного успеха. Число авторов этих книг неизмеримо велико, и все они преследуют одну цель — нажиться путем дешевого обмана, гнусно спекулируя на желании молодого литератора получить совет, помощь.

Каждый из деловых, занимающихся «бизнесом» литературных наставлений, прекрасно отдаст себе отчет в том, что его совету или советам подобных ему мошенников нельзя отнестись всерьез, но «пособия» рекламируются, продаются, и творцы «чрезвычайно легко осуществимых схем оригинальных сюжетов» обогащаются, они вполне довольны.

Читая их чудовищные в своем наглом цинизме рекламные анонсы, невольно вспоминаешь объявления предпринимателей спекулянтов дореволюционной поры, печатавшиеся когда-то в «Биржевке» и «Ниве»: За سخолную пену — два или три рубля — в этих объявлениях предлагалось выслать клиенту 42 или 57 или 63 (в зависимости от изобретательности и наглости поставщика) необходимых в повседневной жизни предметов, среди которых были такие соблазнительные вещи, как отличный перочинный нож, обручальное кольцо, дивные подтяжки и даже точнейшие на свете часы. Доверчивый покупатель, выпивший «золотой» и «железные» набор подобно тому, получал невероятный по своему бросовому качеству товар. Часы оказывались грушевыми, из латунной массы, кольцо — из олова, нож — из жести для консервных банок.

Современные американские способы в тридцать уроков стать Вильямом Шенспером очень схожи с этим старым окочинителем. Разница лишь та, что уроки сегодняшних американских гангстеров пера намного опасней реклам старомодных ошеников и мало чем отличаются от уроков гангстеризма в его чистом виде. В статье о том, как писать детективные романы, тот же журнал «Райтер» настаивает на молодых писателях:

«Как правило, ваш способ убийства не должен быть особенно сложным или причудливым... Используйте для этого нож, револьвер, какой-нибудь тупой предмет, яд. Оригинальности ради вы можете попытаться о том, чтобы жертва была обнаружена при необычайных обстоятельствах. В одном из недавно вышедших романов рассказывалось о том, как труп был спрятан в ящике с испорченными макаронами».

Где же разница между этими гнусными уроками начинающим литераторам и теми советами, которые дают опытные громильщики в воровских притонах и разбойничьих хазах?

Господа хиты и барки, занимающиеся «бизнесом» литературных наставлений, стремятся нажить себе капитал путем продажи своих книг и журналов. Шумно и широкоулыбательно они убеждают, что могут и других научить писать произведения, которые будут легко продаваться. Они не претендуют на то, что, следуя их советам, можно стать «властителями дум современной Америки». Это не их бизнес, они потихоньку уступают его тем, кто стоит поближе к заправкам американских урестов и банков, и в первую очередь, редакторам и издателям еженедельника «Сатердей ривью оф литерачур» — литературному рупору Уолл-стрит.

Со страниц этого журнала к молодым писателям обращаются с далеко не двусмысленными призывами, хотя приличия

дали порой еще избегают называть все вещи своими именами. Поджигателям войны требуются книги, содержащие открытую, но «искусно исполненную» пропаганду крестового похода против СССР и стран народной демократии. И редактор журнала Гаррисон Смит сетует на то, что слишком многие начинающие писатели избрали для своих первых книг темы, связанные со второй мировой войной, в то время как сейчас писатели должны «создавать настроение, с которым народ сможет встретить туманное будущее». Лакей поджигатель войны читает писателям пространную лекцию о «единодушном решении» американского народа одержать победу еще в одной войне. Этот «знаменательный сдвиг», наставнически рассуждает сей «мэтр», «произошел так постепенно, что редкий писатель сочтет его важной темой».

Гаррисон Смит призывает молодых писателей создавать книги, представляющие американскую агрессию. Имеющиеся на книжном рынке США подобного рода произведения не устраивают матушку поджигателя, они слишком плохо написаны. «Можно надеяться», — пишет Гаррисон Смит, — что появится несколько писателей, проявляющих одинаково глубокий интерес как к стилю книги, так и к ее теме».

В отличие от мелких бизнесменов из «Райтера», редактор «Сатердей ривью оф литерачур» указывает молодым литераторам только, что писать и как писать, он не говорит о том, где сбывать свои произведения, отнюдь сознавая, что тем, кто проявит достаточную ловкость, следуя его советам, обеспечены и миллионные тиражи и изрядные гонорары.

Разные, на первый взгляд, советы преподносятся начинающим литераторам на страницах журнала «Райтер» и журнала «Сатердей ривью оф литерачур», но есть между ними одна общая черта — и те и другие ложны и глубоко враждебны самому повитию искусства. Как нельзя создать хорошей поэмы, руководствуясь «семью принципами поэзии» госпожи Анны Хамилтон, так нельзя написать и правдивого романа о современной Америке, не показав того, как американский народ борется за мир, борется против хозяев Гаррисона Смита, против шпеты, на которую обрекает простых американцев лихорадочная гонка вооружений.

Пшета тяжелым бременем ложится и на плечи тех, кто пытается заработать на хлеб литературным трудом. Даже торговцы ходким литературным товаром — сочинители уловочных и сексуальных рассказов и киноспенариев — вынуждены обивать пороги издательства и инстинктивно в тишине надежде добывать хлеб насущный. Велика конкуренция! Что же сказать о начинающих, о молодых? Отнюдь не прогрессивный, а заурядно буржуазный либеральный писатель М. Скотт Кенyon рассказывает в своей статье «Свободное творчество» — предпринимательское «разговоре двух молодых писателей:

«Один из них только что возвратился из полугодичного путешествия по стране. Он рассказывал своему приятелю, как он разрешил свою жилищную проблему. Его одежда и книги находились в доме одного из его друзей, а его записки — в другом доме. Он получил свою почту в одном из местных кабачков. Он работал над своим романом в студии одного художника, когда того не было дома. По вечерам он писал в общественной библиотеке, а еска порога разрешала, то на скамейке в парке. Спал он на диване в доме третьего приятеля».

Таковы «творческие командировки», в которых отправляет трумпонская Америка молодых писателей. Они мало чем отличаются от годичных скитаний безработных, описанных в десятках американских романов той поры, когда буржуазные писатели еще осмеливались говорить своим читателям хотя бы полправды.

М. Скотт Кенyon прямо признается, что провала литературных произведений зависит от требований рынка, и потому «хорошая плея произведений откладывается в сторону просто потому, что другая, хотя и менее привлекательная мысль имеет лучшую возможность попасть в печать».

Инципное признание!

Только те молодые писатели Америки, которые согласны во всем потрафлять Тит Титчам с Уолл-стрит, могут надеяться на обеспеченное существование, да и то при условии, если они сумеют выдержать волюнку конкуренции и расплатят локтями толпу жаждущих у окошка издательской кассы.

Что же говорить о честных и мужественных людях, осмеливающихся, подобно Говарду Фасту, говорить в своих литературных произведениях правду о сегодняшней Америке и ее жизни? Их путь — трудный, героический путь бойцов, которым пробиться к печатному станку не легче, чем пройти пешком через все американский континент.

Печальна современная культурная жизнь капиталистической Америки. Печально и положение молодых писателей в этой стране, зашедшей в тупик духовного маршма и долларополкновения.

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Президиум Союза советских писателей СССР

Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза советских писателей СССР

Юбилера приветствовали от Президиума Союза советских писателей СССР полт А. А. Суворов, от Министерства сельского хозяйства СССР заместитель министра тов. Попов, молодой ученый Хакасия тов. Кызласов, писатели, работники издательства.

Вечер закончился концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений А. Коженикова.

Литературная общественность столицы отметила 60-летие со дня рождения писателя А. В. Коженикова. 23 апреля в Центральном доме литераторов под председательством А. В. Софронова состоялся вечер, посвященный юбилару. Вступительное слово о его творчестве произнес писатель Н. В. Богданов.

Дорогой Алексей Венедиктович!

Президиум Союза советских писателей СССР, в связи с 60-летием со дня Вашего рождения и 25-летием литературной деятельности, шлет Вам горячий привет.

К своему юбилею Вы приходите в расцвете сил, с большими творческими достижениями. Ваш многолетний литературный труд, Ваша требовательность к своему мастерству и неустанное пристальное изучение советской действительности позволили Вам создать свыше десяти томов романов и повестей и написать роман «Живая вода», удостоенный высокой награды — Сталинской премии.

Ваше творчество — это не только талант, но и высокая ответственность перед советским народом. Вы принадлежите к числу писателей, красочно отражающих жизнь советского народа и тем самым помогающих успешно осуществлять великий сталинский план строительства коммунизма.

Крепло ждем Вашу руку и от всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Венедиктович, здоровья и сил для создания новых ярких произведений, воспевающих нашу великую могучую советскую Родину и наш народ, победоносно шествующий к коммунизму.

Президиум Союза

Археология и «теории» Марра

Работы товарища Сталина по вопросам археологии в языкознании указали новые пути не только лингвистам, но и филологам, историкам, археологам и другим представителям общественных наук.

Разработка И. В. Сталиным важнейших проблем социально-экономического, историко-культурного, этнического и языкового развития открывает широчайшие перспективы конкретного исследования истории племен и народностей, населявших нашу Родину в древнейшие времена.

Партия и правительство проявляют большую заботу в отношении археологических исследований. Только за последние годы были организованы сотни археологических экспедиций, которые охватили весь Советский Союз и открыли много важнейших памятников прошлого — стоянки древних охотников на мамонта, стоянки охотников и рыболовов неолитической эпохи, поселения первых земледельцев и скотоводов, развалины античных и средневековых городов Брыма, Кавказа и Средней Азии, остатки древнерусских деревень и городов. Сейчас развертываются археологические исследования в районах великих строек коммунизма.

Своих успехов советская археология добилась, борясь вместе со всеми историками за марксистско-ленинские позиции в науке. Но до недавнего времени она испытывала на себе вредное влияние теорий Н. Я. Марра и его учеников. Лишь разоблачение товарищем Сталиным Марра, как упростила и вульгаризатора марксизма, помогло ряду наших археологов избавиться от «марристских» ошибок и заблуждений.

Однако еще не все ученые полностью отдают себе отчет в значении борьбы за преодоление марксизма в археологии для дальнейшего успешного развития этой науки. Так, на заседаниях ученого совета Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, а также ученых советов исторических факультетов Московского и Ленинградского университетов раздавались голоса, утверждавшие, что Марр не имел никакого отношения к советской археологии, что некоторые археологи всего лишь «сочувственно относились к теории академика Марра». Другие: проф. А. Окладников, проф. А. Бернштам, член-корреспондент Академии наук СССР В. Рандомкас отстаивали иной тезис — о том, что Марр был выдающимся археологом, создателем советской археологической науки и его почерком учение о языке не имеет отношения к его якобы положительной деятельности как археолога.

Большинство советских археологов в своих выступлениях в печати и на специальных заседаниях дало отпор этим попыткам извратить действительное положение вещей. Марр не был ни создателем советской археологии, ни ее теоретиком, ни выдающимся ее практиком. Археологией он интересовался лишь постольку, поскольку мог «использовать» ее для обоснования своих лингвистических «теорий».

Почему же все-таки случился так, что на протяжении более двух десятков лет все основные достижения советской археологии связывались с Марром?

Причиной этого были заблуждения многих археологов, поверивших шумливой пропаганде марристов, которые кричали, что они борются против буржуазной науки с марксистских позиций. Резкая по форме критика Марра и других буржуазных ученых, «левая» фразеология Марра привели к нему ряд научных работников, не сумевших рассмотреть того, что эта критика велась с неправильных, немарксистских позиций и носила ликвидаторский характер — наряду с оглушительным отрицанием сравнительно-исторического метода марристы опровергали все методы археологического исследования, как буржуазные.

Советская археологическая наука велась борьбу с расизмом, с теорией праэрыки и

С. КИСЕЛЕВ,
доктор исторических наук,
А. МОНГАЙТ,
кандидат исторических наук

праэрыки, с теорией миграций (переселений), которые буржуазные ученые пытались представить, как основу исторического процесса. Но все успехи в этой области, так же как достижения в разработке конкретных вопросов истории народов, принадлежали лишь Марру и его теории. Безудержное славословие Марру продолжалось до недавнего времени. Можно сказать, что оно было доведено до высшей точки в книге В. Михайловой «Николай Яковлевич Марр» (третье, дополненное издание вышло в 1949 г.) и А. Окладникова «Н. Я. Марр и советская археология» (1950 г.). Советских археологов призывали к тому, чтобы нести имя Н. Я. Марра, «как символ своего единства (!), как боевую программу!»

Хотя в целом советская археология развивалась, следуя по марксистско-ленинскому пути, все же взгляды Н. Я. Марра сыграли свою вредоносную роль, завели в тупик отдельные разделы археологии. Так, археологи «обязаны» марризму тем, что долгое время обобщались историко-археологические работы страдальцем гонимого абстрактного социологизирования. Вместо того, чтобы давать выводы на основе изучения конкретного материала, поступали наоборот: этот материал нередко подгоняли под заранее изобретенную марксистскую схему. Так, некая «культура», допускаясь, что на определенном этапе исторического развития один народ путем чудесной трансформации, в результате якобы скачка, превращается в другой: например, киммерийцы — в скифов, скифы — в сарматов, сарматы — в готов, и т. п.

Провозглашая сталинское единство, находившие элементы сходства между различными процессами, Марр и его ученики лишали отдельные культурные явления национальной специфики. Эти внешне-политические построения подменяли конкретные историко-археологические исследования, мешали выношению этнических выводов и местных этнических особенностей исторического процесса. В этом отношении Марр был близок к известному космополиту Александру Веселовскому. Марр считал, что Веселовский «революционизировал» литературоведение и фольклористику, и призывал археологов и этнографов следовать его «методу».

Один из примеров подобных космополитических построений: Марр утверждал, что русский народ «не имеет своего происхождения», что в силу существования «закавказья» этническая почва, на которой вырос русский народ. Русь рассматривалась, как один из «четырех элементов», разбросанных повсюду. Смыслу этому построению Марра, еще недавно проф. Юшков писал, что «Русь — это социальная группа».

Марристы считали важнейшей своей задачей борьбу против буржуазной теории миграций. Но положения об автохтонном (местном) развитии отдельных племен и народов были вытравлены прогрессивной наукой задолго до Марра и независимо от него. Зато марризму мы обязаны голословным отрицанием всякой роли миграций в историческом процессе.

Отдельные ошибочные положения Н. Я. Марра отразились в ряде историко-археологических монографий, написанных за последние годы, например, в книгах А. Бернштама, С. Киселева, Т. Пасока и др. Были допущены ошибки и в археологических работах, посвященных вопросам происхождения народов — этногенеза (работы М. Артамонова, П. Третьякова, С. Толстова, А. Уэльцова). Возник-

новение этих ошибок понятно. Нельзя решать проблемы происхождения народов, абстрагируясь от истории языка; но если концепция этой истории ошибочна, то и попытки опереться на нее при разрешении вопроса о происхождении народа неминуемо должны привести к ошибочным заключениям.

Долг советских ученых показать вредоносную роль марризма. Нужно показать, что марризм, так же как ошибки так называемой «школы Покровского», восходит к вульгарно-материалистическим построениям Богданова.

Марризм опасен тем, что его вредоносная сущность скрывается за внешне марксистской фразой, поэтому его подчас труднее разоблачать, чем откровенно буржуазную теорию. Но именно вследствие этого борьба с марризмом не может носить характер кампании, а должна быть продолжена в течение длительного времени.

Вместе с тем надо преостерегаться и от оглушительной критики, как ошибочных, марристских, — многих ценных работ советских археологов только потому, что их авторы ссылались на Марра или цитировали его (а такая неправильная тенденция в некоторой части научных работников появилась). Так как апологеты Марра непрерывно связывали советскую археологию с его именем, то некоторые могут думать так: Марр боролся против буржуазной науки, Марр оказался неправ, следовательно, отказ от ошибок Марра есть в какой-то мере возвращение к некоторым выводам буржуазной науки. Но это — рассуждение людей, не понимающих, что основой советской науки является движение вперед только по пути марксизма-ленинизма.

За время истекшее с момента появления статей товарища Сталина, археологи продали значительную работу.

Естественно, что наиболее энергичная работа ведется сейчас в той области, где допущено больше всего ошибок, — в области разработки вопросов происхождения народов. Важнейшей работой археологов является их участие в создании «Всемирной истории» и «Истории СССР», где найдут конкретное применение указания товарища Сталина.

История, археология, этнография должны принять самое активное участие в ответственной работе, которая выпадает сейчас на долю лингвистов. «Вне общества нет языка», — пишет товарищ Сталин. — Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка. Без помощи историков и археологов невозможно решить ряд проблем лингвистики, в частности проблемы происхождения тех или иных языков. Точно так же археологи без сотрудничества с лингвистами не могут решить проблемы происхождения современных народов.

Необходимо усилить работу по изучению отдельных племен и народов, населявших нашу Родину, с тем, чтобы создать полную и в достаточной степени полную историю. Уже проделана большая исследовательская работа, но нужно завершить ее созданием трудов широкого охвата. Необходимо по-новому, в соответствии с разработанной товарищем Сталиным теорией базиса и надстройки, подойти к проблемам первобытной идеологии и другим надстроечным явлениям.

Перед советскими археологами стоит задача окончательного искоренения влияния антинаучных взглядов Марра. Они могут и должны справиться с этим, чтобы верно и полно решать в дальнейшем проблемы археологии. Советская археологическая наука может двигаться вперед, лишь непрерывно развивая и уточняя методику исследований, лишь следуя по пути, указанному в гениальных трудах товарища Сталина.

Матч, волнующий миллионы

Залитый огнями волнующий матч между двумя великими мастерами — Давидом Бронштейном и Евгением Загорянским. Это не только матч, это событие, которое волнует миллионы людей. В центре сцены два человека в обыкновеннейших низках. Они не поют, не играют на инструментах, не декламируют и не танцуют. Они молчат. Молчат и думают. А зал?

Зал бурлит и клопочет. Наредка его гудение нарушает волею восторга или огорчения, немедленно тонущий в строгом молчании.

Времями гул зала становится громче — зал восторгается. А то вдруг, как в театре в самые острые драматические минуты, в зале наступает такая тишина, что невольно отгадываешься, — а не опустел ли зал? Но нет, все на месте. Тысячи взволнованных глаз устремлены на сцену.

И вдруг тишина взрывается бурным и долгим рукоплесканием. Зал восторженно благодарит тех двоих, которые несколько часов молчали на сцене.

Два человека на сцене играют в шахматы. И это волнует миллионы советских людей.

Молодой московский гроссмейстер Давид Бронштейн оспаривает звание чемпиона мира у Михаила Ботвинника.

Советские люди, работающие на стройке Туркменского канала и стерегущие погран на острове Лискин, следят за этой борьбой. Печать и радио делают ее достоянием всей страны. Десятки иностранных корреспондентов съездились в Москву — в мировую шахматную столицу.

Когда погружаешься в волнующую атмосферу переполющенного зала имени Чайковского, невольно вспоминается совсем иное... Страна Советов поднималась на ноги после гражданской войны и разрухи. Нужно было начинать строить наш новый дом. Советские люди понимали, что в этом новом доме им предстоит и жить, и работать, и... играть в шахматы. Несмотря на величайшие трудности, перенесенные нашей страной, шахматная мысль в ней не угасла. Творческое наследие великого русского шахматиста Михаила Чигорина бережно сохранялось.

В новом советском доме жили и работали соратник Чигорина Ф. И. Дуз-Хотимский, основоположник советского шахматного движения А. П. Ильин-Женевский, учителя почти всех нынешних мастеров — П. А. Романовский и Г. Я. Левенфиш.

В 1925 году в Москве состоялся первый московский международный шахматный турнир. Он происходил в зале гостиницы «Метрополь». Опытавший зарубежные и десять советских шахматистов боролись за победу.

Мы хорошо помним наших гостей 1925 года... В клубах табачного дыма низко склонялся над доской Эмануил Ласкер. Как извлекать, сидел на стуле маленький Фред Лист, чемпион Англии, впоследствии умерший от голода в своей благополучной стране. С полчернутой небрежной вылом лезгунцавлял среди стальных эlegantный Хозе-Рауль Капабланка, тогдашний чемпион мира.

В Ленинграде Капабланка провел сеанс одновременной игры. Вряд ли он запомнил в тот вечер четырнадцатилетнего мальчика в отчаянии, которого звали Мишей и которому чемпионом мира проиграл партию. Впрочем, когда в 1938 году в Амстердаме Капабланка встретился с этим мальчиком, он снова ему проиграл. Это было не в сеансе одновременной игры, а в турнире сильнейших гроссмейстеров мира.

Зал «Метрополь» был битым набит. Восторженный шепот отменял каждый ход

Евгений ЗАГОРЯНСКИЙ,
мастер СССР по шахматам

«олимпийцев». Иногда «олимпийцы» проигрывали. Кто из старых москвичей не помнит бешеного восторга зрителей после победы Ильина-Женевского и Беринского над Капабланкой, Левенфиша — над Ласкером, Романовского — над Турре?

Но не в этом было дело. Пока знаменитости неторопливо передвигали фигуры, за бордюром для зрителей пылали горячие мечтаниями, великим азартом сотни мальчишеских глаз. Это из них — тогда 15—16-летних — потом составилась «шорта» мастеров, подвигавшая советские шахматы на мировую вершину, выдвигавшая из своих рядов чемпионов мира и большую группу гроссмейстеров. Это они упорной работой неизменно поднимали советскую шахматную культуру и создавали новый, динамичный, атакующий и победоносный советский стиль.

Вот что было главным на том турнире, в 1925 году.

Сейчас все иначе. Совсем иначе. Все виды международных шахматных состязаний — командных и личных — выиграли советскими шахматистами.

Уже не ограниченные гроссмейстеры, а выросшие среди нас люди борются за титул шахматного чемпиона мира. И нет на нынешнем турнире пропастей между залом и сценой. Просто двое из этого зала вышли на сцену, чтобы выяснить, кому из них будет первым? Тот, кто станет первым в этом зале, станет и чемпионом всего остального мира.

На сцене зала им, Чайковского — шит, обтянутый темносиним бархатом. На нем золотыми буквами: «Матч на первенство мира». Под шитом — огромная, в четыре квадратных метра, демонстрационная доска с фигурами. А чуть ближе к краю сцены за маленьким столиком с двумя красными флажками, наклонясь друг к другу, сидят два сильнейших шахматиста нашего времени.

Чемпион мира почти не шевелится, будто на малейшем движении боясь потревожить напряженность до предела мысли. Бронштейн более подвижен. Он часто поправляет очки, откидывается на спинку стула. Иногда, в ожидании хода противника, он встает, отходит в сторону и внимательно изучает позицию на демонстрационной доске.

Слева у кулис — столы, за которыми сидят судьи и секунданты. Разогнано тихо беседует о чем-то с Константинопольским. Флегматичный швед Штагльберг — помощник главного судьи — разглядывает зал. Главный судья матча чехословацкий мастер Карел Олчешский все время в движении. Когда зал начинает волноваться, он выходит на авансцену, поднимает руки. И гул стихает.

Кого только не увидишь в эти дни в зале Чайковского! Напряженно следишь бровью, жмет хола Ботвинника Николай Николаевич Зотов — сталевак с завода «Серп и молот». Всемирно известный советский скрипач Давид Ойстрах не пропускает ни одной партии. Герой Советского Союза Мальков в фойе в раздумье стоит перед демонстрационной доской, как некий военный каргой.

Семен Андреевич Данилов поначалу чувствует себя несколько смущенно. Но любовь к шахматам быстро знакомит людей, заполнивших этот зал. И вот Семен Андреевич — мехмик эскаватора, шпехавший в Москву по делам стройки Волгудома, — оживленно беседует с артистом Астангавым. Тема их разговора — не было ли у Ботвинника хола более точного? В своем деле, не было ли? Посмотрите, как всех это волнует! Можете быть уве-

рены, что на полдней зинкозе-потоше, а псава переданную по радио отложившему позанию, зинковки дого не могут вынуть и обуждают оплометный хоу Бронштейна или незамеченную Ботвинника возможность избежать размена ферзей. И разве не думать об этом еще тысячи, десятки тысяч людей? Думают! В этом, если хотите, главная черта и основное значение происходящего шахматного сражения. Шахматы, считавшиеся прежде игрой для избранных, — в нашей стране стали одним из самых массовых видов спорта.

В недавнем шахматном турнире памяти М. И. Чигорина приняли участие 720 тысяч шахматистов. Их могло бы быть гораздо больше. В нашей стране почти миллион шахматистов имеет квалификационную карточку.

А такое небывалое во всей многовековой истории шахмат событие, все союзный турнир колхозников, турнир, в котором приняло участие 130.000 колхозников-шахматистов? Новая, социалистическая культура пришла в колхозную деревню сиянием электрического света, гулом сложных могучих машин, мудростью книг и напряженной тишиной в доме колхозника, где за столом склонялись над шахматной доской колхозный бригадир и комбайнер.

Народность шахматного спорта в СССР породила интересные феномены: более дюжины гроссмейстеров мирового класса — советские шахматисты. У нас более шестидесяти мастеров, за которыми стоит несколько сот кандидатов в мастера. Шахматистов нового разряда — около полутора тысяч. Из этого немалого резерва непрерывно пополняются ряды мастеров и гроссмейстеров. Ведь и нынешний претендент на титул чемпиона мира Давид Бронштейн стал гроссмейстером всего лишь два года назад...

В зале им. Чайковского в дни борьбы на первенство мира находится десятка советских мастеров и гроссмейстеров. Вот сидит Сысоев, Котов, Болеславский и многие другие. Это они пронесли славу советского шахматного оружия по всем аэнам мира. А теперь они пристально приглядываются к творчеству чемпиона мира и его противника: ведь не раз предстоит им упорные схватки за шахматной доской.

Мы знакомимся с пожеланным венгерским мастером доктором Лайошем Астангавым и узнаем, что он так хорошо говорит по-русски. Мастер смеется: — А как же иначе? Разве может шахматист нашего времени не знать русского языка, русской шахматной литературы? Его же будет бить, как ребенка!

В фойе концертного зала также висят демонстрационные доски. И здесь уже можно разговаривать. Шумные споры не стихают здесь часами. Как из рога шахматного изобилия, сыплются варианты, тут же опровергаются и умрают, чтобы через минуту снова родиться у этой или другой доски. Слушаешь страстно спорящих и все понимаешь: «бобельники» и невольно улыбаешься: ведь там, на сцене, играют все же не оги, там Ботвинник и Бронштейн.

Вдруг фойе быстро пустеет, все бегут в зал... Зал гремит тысячами ладоней. На сцене победоносный протягивает руку победителю...

А не станет ли когда-нибудь чемпионом мира вот тот парень в красном галстуке, что провалился сейчас к своей сцене и не сводит горящих глаз к победителю?

Борис АГАПОВ Роман о рабочем классе

1. «Жили два товарища... Одно звали Виктором, другое Андреем. В 1930 году им обоим вместе было тридцать пять лет».

Судьбы этих двух юношей из тихого городка Чибиряки и посвящен новый роман Бориса Горбатова. Мобилизованные комсомолом, они попадают в Донбасс, проходят немало испытаний и на земле и под землей и, наконец, становятся передовыми рабочими. Через пять лет, т. е. в 1935 году, они на своей шахте «Крутая Мария» ставят рекорд производительности труда и оказываются среди зачинателей стахановского движения.

Таким образом, роман охватывает пятилетие 1930—1935 г.г., т. е. часть того решающего периода, в течение которого осуществлялся коренной переход как в экономике Советского Союза, так и в истории советского рабочего класса.

Именно в этот период произошло превращение нашей Родины из отсталой аграрной страны в передовую индустриальную державу, именно в это время шел процесс создания нового, небывалого в истории мира рабочего класса.

Чувство истории присуще автору «Донбасса». Черты первой половины 30-х годов хорошо и точно показаны в романе. Не пружкаришая действительность, Б. Горбатов рассказывает о трудностях того времени — о трудности рабочей силы, о жестокой классовой борьбе, когда враг хотя и потерял надежду на победу, но с яростью отразился, где только мог, об отсталых хозяйственных руководителях, наконец, о неопытности молодых рабочих, без которых, однако, не могла обойтись бурно растущая наша промышленность.

В многочисленных публицистических выступлениях рисуется широкая картина страны, принявшей за переустройство всех сторон жизни небывалых своих просторов — от Аляски до Черного моря. Голос публициста, вырывающийся в художественное повествование, создает в романе исторический фон, открывает перед

читателем очертания всей величественной эпохи, в которой действуют герои. Органично и плотворно сливаются здесь две линии в творчестве Бориса Горбатова: публициста, корреспондента «Правды» и художника-романиста.

Виктор и Андрей приехали в Донбасс в то время, когда только начиналось насыщение нашей индустрии передовой техникой. Новый, высший этап социалистического соревнования, как назвал товарищ Сталин сталинское движение, был бы невозможен без совершенной техники. С другой стороны, он был бы немалым и без новых людей, сумевших овладеть механизмами. Такими людьми были Виктор и Андрей. Вместе с сотнями тысяч и миллионами своих ровесников и единомышленников они принялись за богатейшую работу — ломку отживших технических форм, переделку старых производственных планов, создание новых методов искусного, разумно организованного труда.

И они подняли на значительную, более высокую ступень экономику страны, одержали одну из величайших побед в истории борьбы за социализм.

На новый, высший уровень подняли они и себя — весь рабочий класс. Они достигают до понимания своей государственной роли, они видят себя хозяевами всех богатств, вершинами судьбы своей страны. Таково социальное содержание романа. Но ведь классы состоят из людей; история не была бы, если бы не было отдельных человеческих судеб, а люди и их биографии при ближайшем рассмотрении имеют еще много особенностей, которые заметны в широком историческом огиале. В характеристике лиц и их биографиях Б. Горбатов тоже не боится показывать противоречия и трудности.

Два товарища, пришедшие на шахту «Крутая Мария», не этические богатыри: они — простые паренки, обыкновенные люди, которым весьма далеко до совершенства. Участвовать в огромном историческом сдвиге, более того — стать действительными во неравном движении им совсем не легко. Особенно Виктору. Виктор горяч, горюч, капризен. Могучая физическая сила соединяется с ним с повышенной самолюбием. Он привык все воспринимать применительно к себе и отравиваться от всего, что не дает ему опыта успеха. Забаванный любовью род-

ных и товарищей, привыкший к тому, что все дается ему легко, и полный романтических мечтаний о славе, он сразу, как только начинается его рабочая жизнь, вступает в жестокий и драматический конфликт с действительностью.

Этот конфликт написан Б. Горбатовым с большой силой, остротой и правдивостью. Обвиненный на весь мир за свои производственные неудачи, Виктор работает нервно. Он оказывается прогубленным. И коллектив шахты начинает борьбу — не с ним, а за него! Очень точно показывает автор огромную моральную силу коллектива, влияние народа на человека.

Собрание шахтеров судит прогубленного. Никакие карты ни не угрожают, кроме одной: подняться на сцену и стать перед обществом. Но это и есть самое страшное.

— Я не пойду! — гудело сказал он, когда услышал свое имя, и умоляюще посмотрел на Светличного.

— Надо идти, — печально ответил тот, и Виктор, стобрясь, стал подниматься с места.

— Ничего, ничего! — дружески шепнул ему Светличный. — Иди. Ничего, нао!»

Так говорит большому хирургу, беря в руки скальпель, — «ничего, ничего, нао!»

Коллектив шахты, товарищи Виктора, его партийные и комсомольские руководители, стремясь освободить его от зачатых, социалистическое сознание, делают это любовью, с полнотою большинства верой в человека. Они сумели опереться в своей борьбе на самого Виктора, т. е. на то доброе, что было в нем, — на его честность, горячность, на его жажду работать, на его признание, на его талантливость... Но главным их союзником в самом Викторе было то, что юноша этот был свободен от большинства дурных наклонностей и стремлений старого, собственнического мира. Он был советским парнем.

2. Огромную роль в воспитании Виктора сыграл Андрей. Внешне Андрей не столь ярост, как Виктор. Писать его было, ве-

роятно, труднее. Но образ Андрея — большая удача В. Горбатова.

Поначаду читателю кажется, что в этой двойке друзей ведущим является Виктор, а ведомым Андрей. Но стоило юношам вступить во взрослую жизнь, как с бесспорностью обнаруживаются пренебрежения тихого и скромного Андрея.

В одном из лучших эпизодов романа талантливо описано первое знакомство героев с шахтой. Они ползут по низкому, узкому, темному хоу.

Виктор, хоть и впервые, полз легко. «Вот рассказать в Чибиряках, как тут уголь добывают, — ахнут!» — с восторгом думал он. — Вот он автор сам пойдет туда рубить, уж он всем покажет!»

Для Виктора в это время интересна не столько шахта, сколько он в шахте. По-иную воспринимает шахту Андрей. «Он полз во тьме, ничего не видя, не понимая, извиваясь всем телом, как червяк...»

«Да нет, червяк ничего не думает! А человек — не червяк. Человек — все может!» — «А ползем, как червь.» — «Ну и пусть! Это оттого, что тут механизация настала!»

«Да какая же машина сюда сможет пролезти?» — «Машина всякую можно придумать.» — «Да кто ж придумает? Небось, пытались уж.» — «А может, это я, и придумано!» — вдруг в запале сказал себе он, и сам поразился этой мысли.

Он даже остановился на секунду, перестав ползти.»

И тут, под землей, куда он попал впервые, у него созревает план: ехать учиться. Он выучится, создаст машину... Он победит ползущую узость и выведет шахтеров на простор!

Внешне всегда ровный, неразговорчивый, сдержанный, Андрей живет горячей душевной жизнью. В нем непрестанно идет внутренняя работа, сосредоточенная и напряженная. Прежде всего — это работа мысли. Пусть он еще мало узнал, но склад его ума — научный. Он стремится к глубине идеи и к точности ее выражения. Больше всего он боится пышных и пустых фраз. Он умеет смотреть вперед и видеть будущее. Андрей продумал и создал технологию рекорда.

Права, рекорд устанавливает Виктор. Андрей передает ему это счастье, право не только из чувства дружбы, но и вследствие того же, присущего новому человеку объективного отношения к себе, как к члену коллектива, одному из многих. Андрей считает, что с ответственностью для всей шахты делом — достижение рекорда — Виктор справится лучше, так как он физически сильнее и крепче Андрея.

Но едва поставлен рекорд, как Андрей уже видит дальнейший этап. Анализирова пути движения стахановцев, он приходит к идее стахановских заводов, участков, шахт, Idee, которая могла появиться только в результате понимания государственной пользы. Стремление к новому, чувство нового присутствия Андрея, органичны для него.

Рост Андрея хорошо показан в романе. Величайшую роль в этом росте сыграла партия.

Мыслью о партии пронизано все произведение В. Горбатова. Черты большевизма с особенной подробностью и бережностью подчеркивает автор во всех персонажах, независимо от их партийной принадлежности.

С ясностью, простотой и глубиной любовью написан образ товарища Сталина в заключительной главе романа.

В романе изображено несколько рядовых партийных работников. Светличный и Нечасный являются теми, чьи черты автор особенно тщательно рисует, — их организаторскую горячность (оба они — «заболели»), их хозяйственную заботливость, их страстность в борьбе, наконец, их моральную требовательность к себе и к другим. Последняя особенно важна.

Вот один из группы вырвался вперед, добился успеха. И Светличный, еще юноша, уже думает о нем как воспитатель: «Это в нем — человек проснулся! И какой человек! Гордый, с чувством собственной силы и достоинства».

Он за всех чувствует себя ответственным, до всего у него есть дело, он обо всем «бодеет».

Сила Светличного и Нечасного в их близости к рабочим, близости человеческой, глубоко органической, а не напранной, как у карьериста Рукина, проявляющегося в партии и пытающегося навязать себе на этом благополучие.

Борьба для Светличного — это жизнь. «Как замечательно все сложилось! Он претянул сюда на практику, а попадает в самую гущу драки. Опять драма — хорошо! Опять борьба. Вечная борьба прямо со старым... Он подумал, что без этого тугото, порохового воздуха боя ему и жить было бы невозможно».

И он вступает в борьбу с таким трудным противником, как «Дед», начальник шахты, человек хороший, добрый, но отсталый, из тех, кто консерватизмом своим мешал развитию стахановского движения.

3. Тема возникновения стахановского движения хорошо разработана Б. Горбатовым. Хорошо показано, как поспевало в самой гуще рабочего класса готовилась замечательная победа социалистического труда, победа, которой суждено было поднять всю экономику, всю культуру Советской страны на новую, высшую ступень.

Глава о рекорде — тоже одна из самых удачных в романе. Чувство своеобразной суровой красоты Донской земли, звучащее во всем романе, отливает и эту главу.

Проглядывая записки новаторов, стахановцев, лаборантов, документальную литературу, отражающую жизнь и труд рабочих в Советском Союзе, мы в каждой такой произведении находим момент свершения, когда осуществляется заманное. Момент, которого не может быть в биографии пролетария капиталистических стран. Он характеризуется не только полным успехом, но и полным признанием. Это чувство может быть знаком любому буржуазному индивидуалисту. Он окрашен совсем иным, новым волнением — ответственностью перед коллективом.

Василий АРДАМАТСКИЙ

В Риге есть очень интересный этнографический музей. Судя по подлинным строениям минувших времен. Вы можете зайти в крестьянский дом, построенный в прошлом веке, и увидеть в нем все, связанное с давно отжившим крестьянским бытом. Можно потрогать рукой допотопную пряжу, и она отзовется скрипом, который в худшей тишине прозвучит, как стон. Подлинность человеческого жилья — в каждой детали; так и желье, что вот сейчас зашевелился домотопы на громадной печи и старческий голос спросит: — Кто пришел?

Вспомнил нам этот музей на спектакле «Земля зеленая» в Латвийском Академическом театре драмы. Это воспоминание родилось не случайно, ибо главной чертой спектакля является реалистическое восхождение подлинной жизни деревенской Латвии к жизни в музеевную обстановку давнего прошлого.

В этом смысле пьеса «Земля зеленая» пародию писателя Лавини А. Упита, как и одноименный его роман могут быть своеобразной художественной иллюстрацией к известным латвийским положениям о процессе классового раскола деревни в парской России и, в частности, в латвийской характеристике кулака как «лишней силы», которая давит на трудящегося, приковывает к себе, отнимает у него «всякую надежду на избавление», занимается не только грабежом его труда, но и наругательством над личностью...

Пьеса «Земля зеленая» — новое, самостоятельное художественное произведение, хотя в нем и действуют все знакомые нам по роману герои, развертываются события, составляющие его основу.

Сложное произведение получила театр от писателя. Начать с того, что в нем больше соловья поименованных действующих лиц. В «Земле зеленой» нет привычного драматургического построения, когда действия всех главных героев подчинены одному центральному сюжету. В ней — несколько сюжетных линий, мастера переключаются и объединены в одну многоплановую картину жизни.

Некоторые коллизии в пьесе умышленно не запрещены, но изъять их нельзя, ибо они органичны, как детали второго плана в большом живописном полотне...

Постановщик спектакля А. Амтман-Бриедит увидел в пьесе А. Упита благодарный материал для создания сценического произведения покоряющей художественной силой и большого политического звучания. Он построил спектакль, как повествование о самой жизни, правду которой не подменяешь никакими театральными эффектами.

Многоплановый, разветвленный сюжет предопределял и особую литературную форму пьесы «Земля зеленая». В ней однанадцать картин, которые, хотя и органически связаны одна с другой, являются своеобразными драматургическими новеллами. Каждая такая новелла (иногда новеллу составляют две картины) конструктивно держится на своем, так сказать, долинном сюжете. Поэтому очень трудно в статье последовательно изложить развитие общего сюжета пьесы.

Первая картина спектакля вводит зрителя в дом богатого кулака Ванга. Все в этих хоромах добротно, все служит новоявленному «серому барону». У стола хлопчатая молодая служанка Лена (ее страшная судьба потом будет широко показана

лышам из спальни разговор о деньгах, о самом главном в его жизни, он выходит в столовую. Последние минуты Ванга отравлены бессильным созерцанием того, как орудет на хуторе новый хозяин — сын Ешка (Р. Балтайсвилс). Старик не может понять действия сына — хозяйина новой формации, кулака нового типа. Остывший, бледный, молча смотрит Ванга на происходящее и уходит в спальню. Эту короткую сцену Я. Осис исполняет с таким мастерством, что невольно вспоминается Егор Бузычев Шуккина в театре им. Евг. Вахтангова. Смерть старого Ванга не означает свободы для обездоленных им людей. Нет, они переходят в руки нового, еще более беспощадного эксплуататора, который впоследствии станет верной опорой фашистского режима.

Молодые талантливые актрисы В. Лие и Л. Фрейман создают образы двух крестьянских девушек-батрачек, Лена (В. Лие) — девушка с чистой, доверчивой душой. Навянный оптимизм юности помогает ей до поры до времени не замечать горестей батрацкой жизни, но жестокость этой жизни в конце концов сломала и ее. Она бежит от Ванга на другой хутор. Новый ее хозяин еще хуже прежнего. Куда же деваться теперь? И уже нет сил — все опатаны непосильному рабскому труду. Доведенная до отчаяния, Лена соглашается выйти замуж за старого немца-хозяина, который первую свою жену свел в могилу.

Одна из лучших сцен спектакля — прощание Лены с юным батраком Андром (В. Гурайтис) и следующее за этим ее объяснение с немцем (Э. Зиле). В Лие потрясает зрительный зал до слез, вызывая живое чувство протеста против строя, определяющего ее страшную долю. Последний раз зритель видит Лену, когда в ее сердце вскипает ненависть к мужу и исчезает страх перед ним. Артистка так точно сыграла сцену рождения чувства к Лене, что, казалось, окончательно сломенной судьбой батрачки, что в зале долго не смолкают аплодисменты, выражающие радостную веру в светлую судьбу угнетенного человека, вставшего на путь борьбы.

Очень трудная роль у артистки Л. Фрейман. Образ батрачки Анны выписан драматургом скупо. В немногословной роли больше подтекста, в котором и раскрывается внутренний мир девушки, совершившей сложный жизненный путь от того страшного дня, когда она хотела покончить жизнь самоубийством, до времени, когда она начинает участвовать в рабочем движении. Глубокое понимание образа помогло Л. Фрейман убедительно передать развитие характера Анны.

Трудно из слитного ансамбля участников спектакля выделить отдельных актеров — с одинаковым мастерством, независимо от размера роли, играют артисты А. Виденск, К. Клетенск, В. Шварц, Э. Эзеринь, О. Старк-Стендер, М. Гринберг, В. Сяленик и многие другие.

Спектакль «Земля зеленая» — большая победа Латвийского Академического театра драмы, еще раз показавшего свою художественную зрелость, свое умение решать самые сложные творческие задачи.

Остается только пожелать театру подумать над последней картиной спектакля, рассказывающей о рабочих, об их революционной борьбе. Единая внутренняя нить, связывающая все предыдущие 10 картин, в финале несколько теряется. Желание показать в спектакле уже развернувшееся тогда рабочее движение пока еще не нашло точного и яркого сценического воплощения.

Талантливый, сбалансированный, влюбленный в свою профессию человек, ревниво относящийся к чужим успехам и вместе с тем умеющий видеть свою работу частью всеобщего дела, — таким рисуется Д. Дар своим повестью, знатного каменщика Федора Ивановича Еремину. Госуниверситетский деятель, это честолюбие могло быть свойственно художнику или артисту; с таким упорством мог бы стремиться к достижению своей цели путешественник или геолог. Однако Еремин в своей профессии находит все то, что может найтись в своей инженер, путешественник или художник. Его профессия и его место в жизни в полной мере определены великим лозунгом, осуществление которого сделало великий труд в нашей стране «делом чести, делом славы, делом доблести и героизма».

Д. Дар рисует своего героя в дни мира и в дни войны, на работе и дома, выполняющим обязанности депутата городского совета и обучающим своему делу учеников. И везде этому человеку свойственна одна и та же, именно ему присущая манера жить и работать.

Еремин — мастер своего дела. «...Он любит, когда на него обрушены взгляды, когда он чувствует удивление и восхищение знатоков», — пишет о своем герое Д. Дар. И строчкой ниже он к этому штриху добавляет новый: «Его в его характере мерно и ритмично выступают в пелену, давняя свой темп по всей питейке. Не в его характере та расчетливая и строгая манера работы, которая свойственна Колышеву. Он привык быть хозяином на своей полянке, звать людей своим мастерством и самому дивиться своему мастерству».

Вот из этой особенности характера Еремину и возникает основной конфликт повести.

Колышев, о котором только что упоминалось, — недавний ученик Еремину. Но уже несколько лет он работает самостоятельно. И условия все лучшее, чему мог его научить Еремин, он в корне изменил систему работы, приятную его учителю. Система Еремину чрезвычайно удобна и выгодна для мастера высокой квалификации, но трудна для учеников. И в противовес ей Колышев выдвигает другую. Он работает не в одиночку с подручным, а «питейкой», в которой согласованные усилия всех участников коллектива приводят к высокой производительности.

После нескольких лет разлуки, встретившись с Ереминым и понаблюдав за его работой, Колышев говорит ему:

«Сегодня, Федор Иванович, я смотрел, как вы работали, я думал: вот каменщик! Это уже не ремесло, это искусство! Но с партийной точки зрения было бы правильно, Федор Иванович, если бы и вы перешли на работу питейкой».

Разговор этот приводит к спору Еремину с Колышевым. И только после долгих и мучительных для него размышлений, только после обсуждения вопроса на партийном собрании Еремин приходит к сознанию своей неправоты.

Здесь необходимо сказать об одной детали, случайно найденной автором.

На собрании, на котором происходит обсуждение спора Еремину с Колышевым, выступает старый каменщик, поддерживающий точку зрения Еремину. Он говорит: «...принципиально, Федору Ивановичу, которого весь Советский Союз знает как передового новатора, как самого наилучшего каменщика, поставившего всеобщий рекорд, принципиально ли будет ему идти сейчас на выучку? И к кому? К Колышеву, которого он сам учил».

Д. Дар. «Каменщик». Повесть. «Звезда» № 10, 1950 г.

Еремину, властному и упрямому человеку, недаром дается признание ошибки. Но позиция, с какой пытаются защитить его старый каменщик, вызывает в нем негодование.

«От кого же ты меня, Дорофей, защищаешь? Кто меня обижает? Он рассуждает вполне правильно, иной это в виду. А у тебя твоя партийность прямо в крови разлита. Разве дело в том, кто у кого учился и кто у кого будет учиться? Учись, Дорофей, всегда прилично, — так мы, большевики, смотрим».

Этот порыв Еремину естествен и закономерен. Именно так должен был совершиться в нем перелом, к которому приводит его весь ход событий. И если бы в повести Д. Дара все поступки людей и все убеждения, приводящие их к этим поступкам, были столь же естественны, повесть от этого сильно выиграла бы. К сожалению, в целом ряде случаев поведение героев определяется в ней не столько их собственными характерами, сколько авторским произволом, повинуясь которому, они совершают поступки, не всегда оправданные естественным для них взглядом на вещи. Создала человеческие характеры, Д. Дар еще не сумел овладеть трудным искусством представлять им в своей книге свободу действий, так как они делали бы это в реальной жизни. И поэтому его повесть, верно замечавшая, посвященная интереснейшей области нашей действительности и написанная со знанием дела, часто напоминает догматическое построение публицистики, иллюстрированное примерами, а не писательский рассказ о жизни живых людей.

То обстоятельство, что Д. Дар сделал главным героем своей повести самобытного, цельного и именно в силу этих своих особенностей трудного человека, в психике которого так медленно и мучительно протекает борьба новых черт с пережитками старого, само по себе не может вызвать никаких возражений. Этот характер удался автору, и, что еще более важно, ему удалось убедительно показать неизбежность той перелома, к которому приводит его герой в результате совершающейся в нем борьбы.

По вот то, что Еремин получился в повести гораздо более живым и привлекательным, чем Колышев, оспаривающий в ней положительное начало, — серьезнейший недостаток...

Если автор повести всерьез поставил себе задачу убедить читателя, что в споре Колышева с Ереминым прав Колышев, он был обязан заставить нас почувствовать интерес и симпатию к этому человеку, т. е. силой искусства подкрепить его правоту. Он этого не достиг, и, в результате, мы верим Колышеву, по любви Еремину. А такое разное противоречие самому замыслу повести.

Спор, описанный в повести Д. Дара, не выдуман автором. Этот спор недавно был злобой дня на строительных площадках нашей страны. И если сегодня советские каменщики по праву считаются лучшими в мире, то это отчасти результат именно того метода работы, о котором рассказано здесь.

И тем более важно было сейчас, когда этот метод уже победил, рассказать о нем так, чтобы читатель не только поверил в закономерность этой победы, но и увидел людей, ее одержавших, полюбил их и почувствовал желание поучиться у них жить и работать. Потому что высшая форма читательского признания — стремление читателя стать похожим на человека, с которым он познакомился в книге и которого автор представил ему как передового человека нашего времени.

Судя по нарядной обложке, дешевой цене и полумиллионному тиражу, сборник «Русские народные сказки» предназначен и для детского читателя. Но начал читать первую же сказку своему ребенку, читатель тут же прикусывает язык: «Мальчик-спальник напаласкула ем в карман... вылез из вольного броха задом... взял трещку и тут же залез в нее спать» и т. д. Вместо известного, привычного «по щучьему велению, по моему хотению» здесь: «по божьему благословению». Или: «видно, я богу не угодил: стану я с утра до вечера молиться, авось, господь и смилуется».

Эти и десятки других примеров приводятся в своих письмах читателям: В. Лагов (Ленинград), Л. Давыдов (Усть-Ижора), В. Жилкин (Москва), которые законно считают, что должна быть разница между научным академическим и массовым, рассчитанным к тому же и на детей изданием сказок.

Но по щучьему ли велению, гослитиздатомскому благословению, редакторскому (редактор В. Селова) неуменно книга увидела свет в таком виде?

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА

«Ее так, давно в газете «Красная Чувашия» появилась заметка под заголовком «Халтура под видом детских стихов», критикующая цикл стихов для детей чувашского поэта А. Алга, помещенных в № 12 журнала «Ялав». — сообщает нам читатель Н. Иванов из Красно-Четайской средней школы Чувашской АССР.

«Присославшись к критику, справедливо ответившему заумный язык, низкий художественный уровень, убогую тематику стихов А. Алга, я углядел в другом. Уже после появления рецензии в № 12 журнала «Ялав» за 1951 год переиздано одно из раскритикованных стихотворений А. Алга, на этот раз с нотами, как текст «Новогодней песни». Неужели А. Алга — ответственный редактор журнала «Ялав»? — всерьез полагает, что на него управы нет».

Критикуе халтурные стихи А. Алга и другой наш читатель — учитель В. Хромов.

Алга — поэт, Алга — редактор, Алга — спорит — Немалый фактор.

Алга и песен Своих издал... Как выдлетес! — Волип читатель.

НОВОЕ О БРАКЕ

«Мы глубоко возмущены той путанницей, которую нашли в статье Н. Степанова «Поэзия Грузии», опубликованной в журнале «Знамя», № 9 за 1950 г., — сообщает студент факультета востоковедения Тбилисского госуниверситета т. Ш. Курдлашвили и Т. Чиковани. «Поэты правдолюбивы в своих стихах царю Тамару, ее мужа (?) Давида-Строителя», — написано на 174-й странице журнала.

«Да будет известно уважаемому автору статьи, — пишут читатели, — что Давид-Строитель никак не мог быть мужем царицы Тамары, ибо, во-первых, он царствовал с 1089 по 1125 г., а царица Тамаря правила Грузией с 1184 по 1213 год; и во-вторых, Давид-Строитель был прямым прадедом царицы Тамары».

В вопросе разоборщины досконально, Признали мы сей брак за брак журналистский.

ВЫПОЛОТЬ СОРЯКИ

Читатель В. Мейер (Сочин) сообщает: «1 апреля этого года сочинская газета «Красное знамя» напечатала стихи местного поэта Р. Самусь «На воскресные», где есть такие строчки:

Над газетом скрывается, таякой срезаев траву в междурядье, Смуглолиная девушка прочь от к и д а е т пущек.

Есть ошибки и неряшливость также в стихах «Весна на Бугу» Ф. Виноградского, опубликованных ранее в той же газете. По этому поводу хочется сказать:

Кода редактор «откаждет» Зоботу о стихах в газете, Т соряки — пободно зтым — На градках строк произрастают.

К. Л.

волнение шуткой, это плохо удавалось ему. — Дай я тебя поделу, Виктор! — доходящим казал он. Обнял заботника, пойма в своих руках и прошептал на ухо: — Верю! Будешь рубать, помни: все мы в тебя верим!

— Не поведу! — тихо ответил Виктор.

Итак: важно не то, что герой не оскандлится сам, а то, что, будучи в данный момент острым коллективом, человек чувствует себя вершителем коллективного торжества. Может и быть стимулом, более мощный? Нет! Именно этот стимул есть самый высокий, до какого поднимается человечество к середине XX века! Стимул ответственности перед обществом, чувство поддержки коллектива.

Хорошо рассказав Б. Горбатов о работе Виктора в эту рекордную ночь. Он описал его так, какам видела его Даша, восторженно следившая за любимым.

Автор привел в забой и Андрей. Андрей под рядом и показывал Виктору струну в пласте, когда тот терял ее — «...как штурман, прокладывая товарищу путь».

Виктор завершает рекорд, шахта встречает его триумфом, мы видим, как сила, правда, чистота коллектива выливается в его душу и облагораживают ее:

«Сейчас почувствовал он, что самое дорогое в славе — любовь народа, признание своих товарищей по труду».

«Народ, он всегда справедлив», — думает Виктор.

А сам он, Виктор? Справедлив ли он до конца? Поднялся ли он до уровня такого передового человека, как Андрей? Нет, еще нет! Он еще впоследствии ошибается, не разгадает существа авантюристических планов Рудина. Он еще, узнав, что на соседней шахте достигнут громадный рекорд, придет в ярость. Он будет врать перевертыш всех, дать 200, 300, 500 тонн, не соображаясь ни с объективными, ни с пользой общего дела.

— Так вот не буду я больше молчать! — бешено закричит он. — Отнеси вы мне условий не дайте? Та я б... И вот тут в середине 23-й главы Б. Горбатов, как мне лично кажется, совершает ошибку. Он переводит роман из драматических событий в разговоры о них. События, страсти, ошибки и достижения вдруг перескажутся на другие шахты, и только слух о них доходят до наших героев.

Мне кажется, что Б. Горбатов как не-

прав, как художник, когда он не развернул в действии последнего конфликта, третьего решающего испытания для Виктора. Рекорд, достигнутый за счет ухудшения работы всей шахты, передал неожиданно появившемуся в повествовании шахтеру Забаре, тогда как, на мой взгляд, по логике образа именно Виктор должен был взяться за этот рекорд. И минимальная победа, одержанная вопреки коллективу и во вред коллективу, стала бы последним и решающим уроком для Виктора.

В сущности, все это скрыто присутствует в финальной трети романа. Виктор рвется к необозначенному рекорду, Андрей и Печалько понимают ошибочность его намерений, Рудин провоцирует шахтеров на сверхоходку, но... буря успокаивается под маской разговоров. Роман теряет напряжение, и, как мне кажется, многие страницы последней трети романа оказываются слабее первых двух.

4. Кроме главных правдиво и сильно написанных образов Андрея, Виктора, Светличного, Нечасова, Прокопия Максимовича, в романе Б. Горбатова есть еще один важный по замыслу персонаж. Это — «я», журналист С. Бажанов, от лица которого написаны многие главы. Это — лирический настроенный, восторженно и нежно любящий Родину журналист, которого судьба бросает по всему лицу советской земли и который появляется в Донбассе и вмешивается в повествование не столько по логике событий, сколько по произвольной командировке автора.

Его вмешательство порою незаконномерно. Например, уже после того, как почти полностью рассказана история всех героев, лирический герой встречается с ними вновь и сообщает читателю, что он этой истории еще не знает, что он только гадает, кто кого полюбит, кто с кем найдет свое счастье. А читатель уже это знает. Известно потому, что рассказчик ему об этом автор романа. Так возникает естественное противоречие.

Могут сказать, что Сергею Бажанову, выступающему в романе от первого лица, передали все те высказывания, которые не всегда могут быть вложены в уста Виктора или Андрея. Но, во-первых, целый ряд лучших лирических и публицистических отступлений романа написаны без участия Сергея Бажанова, без его «я». Во-вторых, в некоторых случаях «я» присутствует только формально, например,

там, где автор сообщает, что он побывал в Донбассе почти весь сентябрь 1935 года. Сразу же вслед за этой информацией, но в слитном волнующей читателя, идет отличный кусок о победном шествии стахановского движения, кусок, написанный со всей силой и горячностью Горбатова — автора всем запомнившихся фронтовых «Шпесек к товарищам».

Наконец, в третьих, разве лирические или патетические места романа проигрывают, когда они отнесены непосредственно к действующим лицам, например, прекрасное видение шахты, которая предстает Андрею и Виктору, когда они возвращаются после несостоявшегося бегства? Оказываясь, роман отлично сохраняет свою лиричность и свой историко-публицистический тон и без вмешательства «я». Но ведь в одном из первых романов Б. Горбатова — «Мое поколение» тоже есть «автор», от лица которого написаны многие главы? Меняются времена, растут писатели, другой характер принимает их творчество, и старые приемы им не указ. «Я» из «Моего поколения» — один из той ватаги молодежи, которая назвала себя «Первым советским железным батальоном», где состоял и автор. И, будучи членом этой ватаги, он писал о ней, как о своих первых в жизни друзьях, с которыми вместе устраивал антинахальские карнавалы и дрался со скаутами.

А в «Донбассе» автор, вернее С. Бажанов, совсем в другой роли. Он уже писатель, он посещает Донбасс, он наблюдает людей, он собирает о них материалы... И местами в романе создается такое ощущение, какое бы возникло, если бы вдруг на сцену среди действия вышел человек с тетрадью в руках, режиссер, и начал комментировать и давать указания. Это было бы либо нарушением спектакля, либо... формализмом.

Метод социалистического реализма включает в себя многообразие художественных форм, богатство индивидуальных писательских почерков. Особенность, и очень дорогая особенность, писательского почерка Горбатова — его лиризм, задумчивый и вместе с тем мужественный. Меньше всего можно возражать против существования такого лиризма, которым пронизан весь роман Горбатова. Сочетание этого лирического чувства с широтой и точной картиной реалистически написанной действительности и составляет силу романа.

Но я уверен, что Горбатов избрал неверную художественную форму для тех из своих лирических отступлений, которые он сызвал с существованием в романе такого персонажа, как Сергей Бажанов. Мне, например, кажется, что иные из этих лирических отступлений, оставшихся в романе, более естественно могут быть связаны с его главными героями, а часть может быть дана прямо от автора, который, именно как автор, имеет на них все права художника, без того, чтобы, зачем-то ни на что не оправдывая, не то объясняя эти отступления, превращать себя в персонаж романа.

Разумеется, такое предложение не может быть требованим, но имеет право быть настоятельным советом художнику. Нельзя сказать, что язык романа отличается богатством словарного состава. Если сравнить его с языком «Моего поколения», то он окажется гораздо скромнее и в словообразовании и в синтаксисе, гораздо сдержаннее в отношении экспрес-

сивности, гораздо строже и единообразнее. Некий плавный ритм присутствует в нем, ритм с довольно правильным чередованием педур, с довольно выдержанным следованием коротких резюмирующих или подтверждающих фраз за более пространными, хотя почти никогда не превышающими двух-трех строчек. Однако, несмотря на ограниченность словаря и сдержанность в использовании синтаксисом, Б. Горбатову удается достигать большой выразительности и даже характерности речи. Вспомнить хотя бы, например, рассказы Леда Онисима. Они написаны с большой тонкостью, без всяких диалектизмов или архаизмов; единственно только расположением и согласованием слов удается автору передать в языке милую, чудокловатую, наивную и добрую душу старого шахтера.

Так же хороши разговоры в прекрасной сцене ветерники у Прокопия Максимовича или реплики на собрании в ответ на выступление Виктора, когда он обещает дать громадную выработку...

Вообще диалог у Б. Горбатова обладает большой живостью и вместе с тем сжатостью. Он всегда динамичен.

Впрочем иногда автор нарушает обет строгости. Это происходит тогда, когда он вдруг обращается к патетике. Выспренность не чужда Б. Горбатову и иногда портит его язык.

Общим недостатком языка романа является нечеткое использование эпитетов. Во-первых, их чересчур много, а давно известно, что обычно чем больше прилагается к слову прилагательных, тем туманнее выглядит это слово. Во-вторых, зачастую выбор эпитетов оказывается или очень тривиальным, что создает штампованность фразы, или настолько произвольными, что смысл нарушается.

Вот пример первого: «Все его тело, смуглое, мускулистое, трепетное... было прекрасно...» и т. д.

Вот пример второго. Хороший шарень Очеретин, который любит пошутить, идет, «непристойно выхлясь». Или хорошо ли сказать: «пелли легким горлом»?

Встречаются в романе и очень неумелые фразы, например: «Созрев, она обещала стать полной», или: уголь «все совается и совается», или «козачился Зарюк», или «из зависти к Забаре высунул язык».

По подобным ошибки редки. На них не стоит особенно долго останавливаться. Я думаю, что следовало бы пожелать автору добиваться большей яркости и точности эпитетов, меньшего едино-

образия ритма, более решительных и впечатляющих сравнений. Впрочем, эти советы неминуемо субъективны, автор, быть может, найдет и иные новые средства выразительности, более близкие его стилю.

Роман «Донбасс» — серьезная, талантливая книга, написанная человеком, умеющим видеть жизнь и повидавшим ее вблизи. Многие литераторы могут позавидовать громадному запасу впечатлений и наблюдений, щедро рассыпанных по ее страницам. Эта жизненная правда, часто полная противоречий, которых автор не боится, не изоблетает, звучит и в деталях и в целом. Обрывки веревки в катушке-компания при смене арктической зимовки и величественный образ «шахтерской матери» — старухи, выпестованной целым родом горняков, лес Онисим с его наивными и горделивыми рассказами и Сергей Очеретин — чудесный образ шутливого парнишки, который вдруг обретает в себе силу льва и зоркость сокола, — это реально, точно, верно, за этим чувствуется большая любовь и к Донбассу и ко всей нашей великой Родине. Один из важнейших этапов ее развития сделал Б. Горбатов темой своего романа. Ограничив себя одной шахтой и небольшим числом действующих лиц, он вместе с тем сумел передать чувство всей необъятной страны, с таким энтузиазмом закладывавшей фундамент своей мощи, своего будущего в годы первых сталинских пятилеток.

Среди романов и повестей, написанных о рабочем классе Советского Союза, «Донбасс» — произведение, достойное этой высокой и ответственной темы.

Несмотря на то, что опубликованные части романа — только начало большого многогранного произведения о Донбассе во времена первых пятилеток, войны и послевоенного восстановления, об этих частях уже можно говорить, как о самостоятельной книге. Так и рассматриваются они в настоящей статье. Согласен автор или нет с высказанными здесь соображениями, зависит от воли автора и от убедительности соображений. Однако несомненно, что критика должна помочь Б. Горбатову не только исправить некоторые недостатки первых частей при опубликовании их отдельной книгой, но также избежать подобных недостатков в том продолжении романа, над которым он сейчас работает.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 49 24 апреля 1951 г.

3

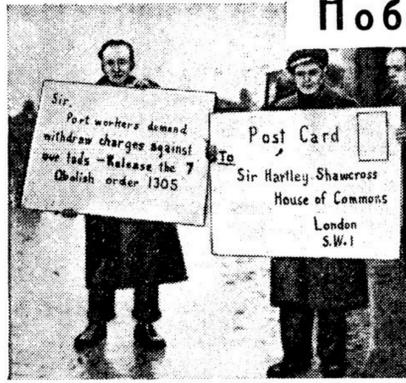
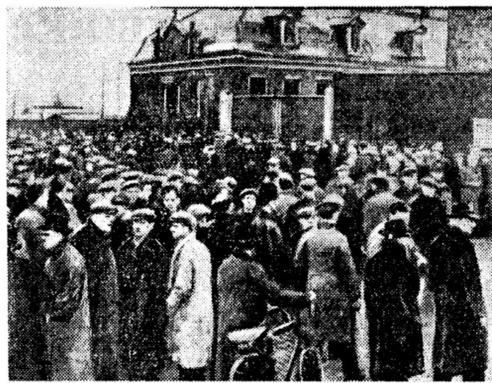
Не забывай!

Не забывай:
 Корейский народ,
 Китайский народ
 На Ялудзана воду пьет,
 На Ялудзана — одной реки,
 Братья они, земляки.

Корейские земли пылают в огне.
 Отблеск пожаров в твоём окне.
 Чтоб не терзали зверя клыки
 Целые материи,
 Китайский солдат, поспешь,
 Пожар войны потуши.

Помощь Корею в правом бою
 Спасет и отчину твою!

Перевел с китайского
 Л. ЧЕРКАССКИЙ

Победа докеров Англии

В начале февраля этого года докеры Ливерпуля и Беркенхеда объявили забастовку и вскоре были поддержаны своими товарищами на Лондоне — крупнейшего порта страны. Десятки тысяч рабочих забастовали в знак протеста против соглашения о заработной плате, заключенного между предпринимателями и лейбористским руководством профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих.

Руководство профсоюза, возглавляемое злейшим врагом рабочего класса А.глин Артуром Дикином, предало, как обычно, докеров, согласившись за их спиной на значительную «уступку», которую предложили предприниматели. Эта ничтожная подкачка ни в коей мере не могла возместить резкое снижение реального заработка докеров в результате непрекращающегося роста цен. Но рабочие не дали себя обмануть и вступили в борьбу. Ни полиции, ни войска, брошенные «социалистами» Эттли против забастовщиков, не смогли их подавить.

Тогда правительство Эттли пошло на прямую провокацию. По клеветническому доносу того же Дикина руководители забастовки докеров были арестованы. Их отдали под суд на основании чрезвычайного антирабочего закона — так называемого постановления № 1305, запрещающего «незаконные» (то есть не одобренные лейбористским руководством) забастовки.

Докеры Англии единодушно выступили на защиту своих боевых товарищей. Восемь раз, начиная с 20 февраля, рабочие лондонских доков и их товарищи проводили однодневные забастовки протеста. Это был ответ тем, кто думает, что лондонские докеры потеряют заугнание или предательство», — говорится в заявлении комитета портовых рабочих Глазго, трудящихся приходили к Глазго уголовного суда на Боу-стрит, требуя освобождения арестованных и отмены драконовского закона № 1305.

Провокация Эттли — Дикина окончилась полным провалом. Несмотря на старания лейбористского государственного обвинителя — генерала призрачных «саботажников» и «красной опасности», суд, закончившийся 17 апреля, признал, как известно, руководителей забастовки «квалифицированными» лишь в том, что они «повысили» лишь ущерб нанесенный забастовкой, но не признал их виновными в нарушении закона. Судья, говоря иначе — честно защищая интересы рабочих от посягательства капиталистов Лейбористское правительство было вынуждено прекратить «дело».

НА СНИМКАХ: слева — бастующие рабочие у ворот лондонских доков; в центре — докеры принимают на митинге в Виктория-парк (Лондон) резолюцию, требующую от правительства отмены репрессивного антирабочего закона; справа — огромная открытка, отправленная докерами генеральному прокурору Англии Харли Шоукроссу: «Портовые рабочие требуют снять обвинение против их товарищей. Освободите «семерку». Отмените постановление № 1305».

Снимки из английской газеты «Дейли уоркер»

Обзор военных действий в Корее

На рассвете 23 апреля, по данным иностранного радио и печати, части Народной армии Кореи и китайские добровольцы после мощной артиллерийской подготовки начали контрнаступление на центральном и западном участках фронта. Позizioni интервентов, как сообщает лондонское радио, проорваны, а части 8-й американской армии, находящиеся под командованием генерала Ван Флата, отступили. Наступление Народной армии, указывает радиослужба, происходит на фронте протяженностью в 160 километров.

Сообщая об этом поном наступлении Народной армии, лондонское радио и агентство Рейтер передают, что на западном участке наступающие части форсировали реку Имчханг и продвигаются по дороге, ведущей к Сеулу. На центральном фронте американские позиции, по данным агентства Рейтер, проорваны в 16 километрах севернее 38-й параллели. В результате ожесточенных боев части Народной армии и отряды китайских добровольцев отбросили интервентов и вблизи здесь каин в их оборону.

Новый контрудар Народной армии и китайских добровольцев опрокинул утверждения американского командования о том, что войска интервентов являются хозяевами положения на корейском фронте. Как известно, американцы возлагали большие надежды на предпринятое ими «веселее наступление». Бросив в бой большое количество людской силы и техники, захватчики, как сообщало недавно командование корейской Народной армии, перешли 38-ю параллель и углубились на север в отдельных районах до 25 километров.

Народная армия и китайские добровольцы вели оборонительные бои, нанеся врагу огромные потери. Народная армия неоднократно переходила в контратаки, изматывая противника. Интервенты не смогли сломить боевой дух запятанных Кореи.

Ныне, как это видно из сообщений иностранных обозревателей, накопив силы и измотав в оборонительных боях противника, Народная армия вновь обрела в него мощный удар. Агентство Ассошиэтед Пресс признает, что это контрнаступление ведется крупными силами.

Героические войны корейской народно-демократической республики при поддержке китайских добровольцев наносят врагу все новые удары.

П. КРАЙНОВ

Граница двух миров в Берлине

Иржи ГРОНЕК

Размышления после чтения западногерманской прессы

Я знаю границы государств, по ту и другую сторону которых — общая воля к новой жизни, где на той и другой стороне люди поют, хоть и на разных языках, но одинаково радостные песни.

Однако я знаю также границы, где песнь мира на одной стороне звучит радостно и свободно, а на другой стороне преследуется, как мятеж, границы, — где борьба за мир на одной стороне является естественной обязанностью, честью и славой, на стороне другой — считается преступлением...

Чтение западноберлинских газет и журналов — дело не особенно приятное. Все, что западноберлинская печать публикует, пахнет гнилью вчерашнего и сегодняшнего дня. Война, страшные раны которой еще не залечены, снова показывает здесь свое страшное лицо. Те, кто ее вчера развязал, сегодня оживают на страницах газет, журналов, в ороше героев.

Вот в иллюстрированном журнале «Кинк» фотография: гробы казненных нацистских преступников. На другой странице — факсимиле переданного по телеграфу апостольского благословения, которое Его Монополистическая Святость папа римский послал осужденному на смерть эсэсовскому головорезу Освальду Полю. Иллюстрированный еженедельник «Вельтбильд» публикует серию статей о Гессе. Внимание публики привлекает трагическая картина: улыбающийся Гитлер ведет интимный разговор с британским министром иностранных дел сэром Джоном Саймоном, который держит в руках фотографию Фюрера с его собственноручной дарственной надписью: «Ревю, ди вельтбильде» помещает репортаж об Эмме Геринг, жене фашистского главаря. В статье описывается со всеми подробностями ее свадьба и свадебное путешествие. А в следующем номере читателям обещана такая сенсация: «Алольд Гитлер — кум ребенка Геринга». С титульного листа еженедельника «Швейше иллюстрирте» нагло улыбается бронзовое от загара лицо известного нацистского гангстера Отто Скорцени, который был так любезен, что перед отлетом в Испанию дал репортеру этого журнала пилтерью из своих приключений...

В Берлине по директиве американских монополий создана граница, представляющая собой совершенно исключительное явление. Это граница без таможенных и паспортных формальностей: по обе стороны ее живут люди, которые говорят на одном языке, имеют одинаковые привычки и обычаи. Это граница двух миров, прелегающая по большому городу.

История этой границы известна всему миру. Она — порождение политики западных держав, в первую очередь американских империалистов, пытавшихся подорвать экономикку советской зоны оккупации Германии. По воле Вашингтонских поджигателей войны Берлин пересекла граница, на которой сходятся свет мира и создания с темным миром насилия и войны. В самом центре германской столицы достаточно пройти дюжину шагов, чтобы человек это почувствовал.

По тротуару на одной стороне улицы прохаживается служивый народной полиции. Он как две капли воды похож на своего коллегу, который вчера вечером на собрании свободной немецкой молодежи обещал от имени всех полицейских вместе с демократическими юношами и девушками защищать мир.

На другой стороне — типичный грубый немецкий «шуппо». Так же, как до Гитлера и во времена Гитлера, он и сегодня является орудием господствующего класса. В Западной Берлине имеются социал-демократы, которые в борьбе против сил прогресса и мира практикуют те же методы, что и гитлеровцы. Человек при взгляде на этого социал-демократического полицейского вспоминает о том, как в свое время немецкие правые социалисты отчаянно стремились найти догору к Гитлеру. И не их вина, что им тогда это не удалось. Сейчас, под надзором своих американских господ, они успешно применяют методы фашистов.

Перехожу через улицу, чтобы в газетном киоске на противоположной стороне купить газеты и журналы. Плачу по фантастическому западноберлинскому обменному курсу, по которому цена одного иллюстрированного журнала превышает цену буханки хлеба у нас, в Чехословакии. С руками, полными газет и журналов, спешу обратно под защиту демократического сектора, сопровождаемый по доверительным взглядом «шуппо»: ему кажется странным, что кто-то покупает столько журналов сразу. Западноберлинский житель этого не делает: у него нет на то ни денег, ни желания.

Но как раз в эту самую минуту социал-демократическо-американский «шуппо» наступает очередную жертву: западноберлинскую жительницу, шедшую из демократического сектора, где она купила вкусный хлеб, который там, кстати, и намного дешевле. «Шуппо» торжественно извлекает из базарной сумки запрещенную буханку хлеба. Женщина с криком защищается. На нашей стороне улицы образуется толпа, люди с волнением наблюдают эту сцену. «Мой муж без работы», — кричит женщина. — Как мы можем жить на 35 марок в месяц с двумя детьми? В Восточном Берлине люди, по крайней мере, сыты, и там нет безработных...»

Из толпы на нашей стороне улицы раздаются сочувственные голоса. Народный полицейский призывает нас разойтись: это опасный проступок, сюда и...

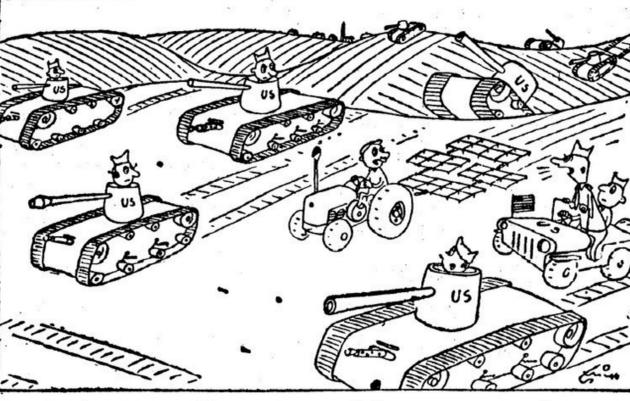
Старые и новые нацисты, политические лжецы, капиталисты, всевозможные шарлатаны привольно живут ныне в Западной Германии под охраной полосоатозвездного флага. Они все пользуются «свободой печати», как это мы хорошо увидели на страницах журналов.

Посмотрим теперь на западноберлинскую еженедельную прессу.

На одной стороне газеты — предложение приобрести драгоценные камни, золото и предметы роскоши, на другой — фальсифицированная статистика количества безработных, которых сейчас в Западной Берлине более 300 тысяч. Их число все возрастает, а одновременно растут цены на хлеб — до 25 процентов в течение одной недели. Мало какие газеты реагируют на это. В то же время издаваемая американцами газета «Ди нейе цейтунг» требует повышения цен и увеличения налогов на бедняков.

Иллюстрированный журнал «Хойте» всячески доказывает немцам, что они, соб-

Весенняя пахота в Западной Германии...

Американец: — Эй, что вы, спятили? Что вам здесь нужно?!
 Крестьянин: — То же самое я хотел спросить у вас!
 Рисунок из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

Эжени Коттон

Анна КАРАВАЕВА

Мне вспоминается жаркое утро в июне 1945 года, когда наш самолет приземлился на парижском аэродроме Бурже. Среди дружеских лиц французских женщин, встретивших нас, одним из первых запомнилось лицо Эжени Коттон. Смугловатое, с горячими тенями вокруг больших глаз, как нередко бывает у южанок, это немолодое лицо под полями черной шляпы в первую минуту показало мне болезненно-бледным. Но вот нас познакомили. Маленькая сухощавая рука крепко сжала мою руку, и грубой голос ласково произнес: «Да здравствует мир, да здравствует дружба!» Этот сердечный привет относился прежде всего к нашей великой Родине, могучей стране мира и дружбы, посланниками которой мы, десять советских женщин, прилетели в Париж на первый Национальный конгресс женщин Франции. После этих сказанных от сердца слов строгий облик пожилой женщины в черном костюме будто озарился новым, ярким светом, ее взгляд блеснул поистине молодой живостью, а в движениях и манере говорить чувствовалась энергия, характер сильной и жизнелюбивой.

ученым с мировым именем, и самым, теперь тоже доктором наук, действительно и бесстрашно участвовавшим в движении Сопротивления. Вот почему ее, одну из старейших женщин-борцов, избрали председателем Союза французских женщин.

Эжени Коттон являлась одним из инициаторов создания Международной демократической федерации женщин. Мне довелось участвовать и в том конгрессе, когда была учреждена МДФЖ, эта всемирно-авторитетная и уважаемая организация передовых женщин всех наций, являющаяся руководителем девяти миллионов женщин в борьбе за мир и счастье человечества. Помню, каким торжественно звучал голос Эжени Коттон, Долорес Ибаррури, Жаннетты Вермерш и других деятельниц движения за мир в тот день, когда было провозглашено начало международного содружества патриоток всех стран, защитниц святейшего дела мира.

В том, как росло и продолжалось расти это исключительное широкое и многонациональное движение женщин-демократок, как оно воспринимает и выдвигает на общественную арену все новых борцов, — заключена немалая доля труда, энергии и вдохновения Коттон. Да ведь и сама она, понимая еще в дни гитлеровской оккупации ее родины необходимость бороться с фашизмом — лютым врагом мира и жизни на земле, ведь и сама Эжени Коттон являлась собой вдохновляющий пример духовного роста и творческого подъема общественной личности, пример правдивой и искренней красоты. В октябре 1946 года, во время сессии Исполкома МДФЖ, она имела полное право сказать, что счастлива праздновать свое шестидесятилетие в великой столице мира, Москве, в обстановке активной творческой деятельности.

«Женщины всего мира, — говорит Эжени Коттон, — с доверием смотрят на Советский Союз, видя в нем самого могучего защитника мира...»

И вот на эту неутомимую защитницу мира контролируемое Вашингтоном французское правительство обрушило самую страшную угрозу, какой может подвергнуться гражданин Франции: угрозу применить 76-ю статью Уголовного кодекса, которая действовала во время немецко-фашистской оккупации и в военный период. Согласно этой статье обвиняемый, судимый военным судом, может быть подвергнут тяжким наказаниям вплоть до смертной казни.

И подумала, что у этой пожилой женщины незаурядные способности организатора и чуткое умение общаться и связывать людей между собой. А на заседаниях Национального конгресса, слушая речь Эжени Коттон, я почувствовала в ней не только яркий ораторский талант, но также глубокую страсть и непримиримость борца, темперамент публициста — обличителя фашистских поджигателей войны («остатков фашизма», как говорили тогда во Франции), обличителя «визийских предателей». Ее выступления были пропущены огромной любовью к миру.

«Женщины всего мира, — говорит Эжени Коттон, — с доверием смотрят на Советский Союз, видя в нем самого могучего защитника мира...»

На первом Национальном конгрессе Эжени Коттон была избрана председателем Союза французских женщин. В ее лице передовые женщины Франции видели борца за мир, крупного общественного деятеля, в жизни и труде которого воплотились лучшие прогрессивные традиции французской демократии.

Жизнь и работа Эжени Коттон всегда проходили на глазах народа. Эжени Коттон родилась 13 октября 1881 года в трудовой интеллигентной семье, в маленьком городке Субиз департамента Нижняя Шарант, на юге Франции. После окончания средней школы она поступила в Высшую нормальную школу (Эколь нормаль) в Севре. В 1904 году Эжени Коттон, по приглашению знаменитой учительницы Мариусы, стала помощником преподавателя в этой же Высшей школе. А три десятилетия спустя, в 1936 году, была назначена директором воспитательного учебного заведения.

Огромное возмущение и негодование охватили всех честных людей земли. История движения в защиту мира имеет в своем распоряжении огромное количество документов — телеграмм протеста, выступлений, резолюций, статей в защиту Эжени Коттон, которые направлялись со всех концов света в адрес опозорившегося французского правительства.

А она выступала в это время на Vтором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве с гневным и бесстрашным словом материн-борца: «Неукротимое стремление всех женщин мира предотвратить войну эффективно выразилось в сборе подписей под Стокгольмским Воззванием. Для всех женщин, дающих жизнь, атомная бомба является самой мерзкой формой презрения к человеческой жизни».

Одна из немногих женщин, награжденных орденом Почетного легиона, Эжени Коттон показала себя смелым и принципиальным педагогом: она добилась уничтожения несправедливых программ обучения мужских и женских школ, а также уравнения в правах с мужчинами женщин-преподавателей. Тридцать выпускников студенток провела она за тридцать пять лет педагогической деятельности.

Ее гневный голос сливался с огромным хором голосов честных людей всех стран в ее защиту. И пролажные суavity отступили, передали дело Эжени Коттон в гражданский суд, который вынужден был вынести ей оправдательный приговор. Это была победа мира и демократии, победа жизни во имя мира.

Осеню 1941 года провалившиеся Гитлеру французские правители уволили Коттон с поста директора — она была «не тем» директором, который был угрозой вышнему правительству и их кровавым хозяйствам. Но Эжени Коттон не опустила руки: она уже участвовала в славных делах французского Сопротивления. В те черные дни пламенная патриотка Даниэль Казанова зачинала в подполье работу организации, которая со временем охватила миллионы французских патриотов, — Союза французских женщин. Как во всепараллельном движении Сопротивления, так и в союзе, ведущим началом были женщины — члены коммунистической партии Франции. Близость к коммунистам вдохнула в душу Эжени Коттон смелость, твердость, глубочайшую убежденность в исторической правоте дела, которое она отстаивала. Известный исследователь-физик, доктор наук Эжени Коттон вместе со своим мужем Эме Коттон, недавно умершим,

Вот почему честные труженики всех стран рады ныне тому, что вице-председатель Всемирного Совета Мира, почетный директор Эколь нормаль Эжени Коттон удостоена международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Она горда тем, что премия, полученная ею, носит любимое, светлое имя Сталина, «который является величайшим защитником мира», как заявила Эжени Коттон, узнав об высокой награде. Она, без сомнения, отлично сознает, что присуждение международной Сталинской премии показывает и высокое доверие народов к ней, старому борцу за мир, и надежду на будущие прекрасные и вдохновенные дела, которые она, молодая душой и волей, совершит во славу мира и счастья народов всей земли.